

Головнёва Юлия Владимировна, Новикова Альбина Алексеевна
МЕТАФОРЫ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА В РОМАНЕ "БЕСЫ"

В статье исследуется метафорическая репрезентация внутреннего мира человека в романе "Бесы" Ф. М. Достоевского. Анализ сплошной выборки метафор психологической сферы выявляет в романе следующие основные метафорические модели этой сферы: "ЧУВСТВО / МЫСЛЬ - ЭТО СВЕТ", "ЧУВСТВО - ЭТО ЖАР", "ЧУВСТВО - ЭТО ОГОНЬ / ГОРЕНИЕ", "РАЗРУШИТЕЛЬНАЯ ИДЕЯ - ЭТО БЕС / ДЕМОН" (М-модели приведены в порядке их частотности). Амбивалентность смыслов, передаваемых метафорами, косвенно указывает на неразличение героями добра и зла, обличаемое Достоевским.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/3-1/24.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 3(81). Ч. 1. С. 91-94. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

THE MODEL OF SEMANTIC SPACE OF THE TERM IN A LITERARY TEXT

Golovina Elena Viktorovna, Ph. D. in Philology
Soldatenko Anna Evgen'evna
Orenburg State University
gol114@yandex.ru; soldatenko_ann@mail.ru

The article is devoted to the peculiarities of the semantic space of the term in a literary text, as well as to the definition of its basic structural elements and connections on the basis of the construction of a semantic graph model. The semantic fields and their constituent components are determined. The core and periphery of the author's understanding of the term semantic space are revealed. The paper analyzes the connections between their constituent components. The authors interpret the model of understanding the term in the literary text and reveal its essential features.

Key words and phrases: term; semantic space; semantic field; method of semantic graph modeling; literary text.

УДК 81'42

В статье исследуется метафорическая репрезентация внутреннего мира человека в романе «Бесы» Ф. М. Достоевского. Анализ сплошной выборки метафор психологической сферы выявляет в романе следующие основные метафорические модели этой сферы: «ЧУВСТВО / МЫСЛЬ – ЭТО СВЕТ», «ЧУВСТВО – ЭТО ЖАР», «ЧУВСТВО – ЭТО ОГОНЬ / ГОРЕНИЕ», «РАЗРУШИТЕЛЬНАЯ ИДЕЯ – ЭТО БЕС / ДЕМОН» (М-модели приведены в порядке их частотности). Амбивалентность смыслов, передаваемых метафорами, косвенно указывает на неразличение героями добра и зла, обличаемое Достоевским.

Ключевые слова и фразы: метафора; внутренний мир человека; Достоевский; роман «Бесы»; метафорические модели; дескрипторная теория метафоры.

Головнёва Юлия Владимировна, к. филол. н., доцент
Новикова Альбина Алексеевна, к. филол. н., доцент
Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток
golovneva.juv@dvfu.ru; novikova.aa@dvfu.ru

МЕТАФОРЫ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА В РОМАНЕ «БЕСЫ»

Ф. М. Достоевский писал: «Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой» [6, с. 65]. С точки зрения лингвистики представляет интерес анализ языковых средств, выбранных Достоевским для изображения этих глубин, в том числе его метафоры.

По мнению Ю. Трифонова, метафоры Достоевского не отличаются оригинальностью, «метафоры его не интересуют» [11, с. 5]. Но и языковые метафоры писателя, если анализировать их в совокупности, дают новые ключи к прочтению его произведений. Системное исследование метафоры произведения помогает взглянуть на него с новой точки зрения, выявить такие его особенности, которые «находятся на грани осознаваемого и бессознательного, но фиксируемого языком» [2, с. 478]. Кроме того, даже стертые метафоры под влиянием контекста могут актуализироваться, оживать [13].

Цель данной статьи – выявление и семантический анализ основных метафорических моделей, репрезентирующих внутренний мир персонажей романа Ф. М. Достоевского «Бесы».

Лингвисты уже обращались к исследованию метафор в романе «Бесы» [1, с. 16; 9, с. 46-90]. Мы подходим к анализу метафор с позиций дескрипторной теории метафоры, разработанной А. Н. Барановым: каждой конкретной метафоре приписываются сигнификативные дескрипторы, в другой терминологии соответствующие области-источнику, т.е. обозначающие, чему уподобляется нечто, и денотативные дескрипторы, соответствующие области-цели, т.е. обозначающие, что именно уподобляется. Тематические связанные поля сигнификативных дескрипторов являются метафорическими моделями (М-моделями) [2, с. 36-38]. После выявления метафорических контекстов производится подсчет частотности соответствующих М-моделей и выявление профилируемых ими смыслов.

Уточним, что термин «метафора» употребляется здесь в широком смысле. К ней мы относим и такие тропы, как сравнение, образная гипербола, метафорический эпитет и т.п. Метонимия рассматривается как отдельная от метафоры ментальная операция, т.к. «метафора в точном смысле предполагает перенос свойств из одной понятийной области в другую» [Там же, с. 490], в то время как «в случае метонимии имеется лишь одна понятийная область, с элементами которой происходят те или иные преобразования» [Там же]. Но существуют случаи слияния метафоры и метонимии в одном обороте речи, для которых Л. Гуссенс ввел термин «метафтонимия» [12]. Метафтонимия встречается и у Достоевского, в том числе в описаниях внутреннего мира персонажей; случаи метафтонимии мы включили в число метафорических контекстов, т.к. они содержат в себе и метафору.

Выявленные в романе основные М-модели представлены в таблице.

Основные метафорические модели внутреннего мира персонажей в романе «Бесы»

Метафорическая модель	Частота употребления
1. ЧУВСТВО / МЫСЛЬ – ЭТО СВЕТ	65
<i>глаза засверкали</i> (метафтонимия)	28
<i>чувство засверкало</i>	4 (из них 2 раза – «в глазах»)
<i>взгляд засверкал, заблестал</i> (метафтонимия)	3
<i>светлый</i>	18 (из них 9 – в полном авторской иронии словосочетании «светлая личность»)
<i>свет</i>	5
<i>(за)светиться</i> (о мысли, чувстве)	4
<i>просветлеть, стать посветлее</i> (о настроении человека)	2
<i>молния</i>	1
2. ЧУВСТВО – ЭТО ЖАР	60
<i>горячий, горячо</i>	27
<i>горячиться</i> (с приставками)	10
<i>с жаром</i>	9
<i>сгоряча</i>	6
<i>горячка</i>	5
<i>горячечный</i>	2
<i>горячность</i>	1
3. ЧУВСТВО – ЭТО ОГОНЬ / ГОРЕНИЕ	48
<i>сгорать, возгореться, горящий</i>	16
<i>вспыхнуть</i>	15
<i>пламенный, пламенно</i>	7
<i>огонь</i> (в том числе в идиоме «подливать масла в огонь»)	3
<i>пылающий</i>	2
<i>разжигать, поджигать</i>	2
<i>сжигать, сжечь</i>	2
4. РАЗРУШИТЕЛЬНАЯ ИДЕЯ – ЭТО БЕС / ДЕМОН	36
<i>бешеный, бешенство</i>	18
<i>бес, бесенок, беситься, бесноваться</i>	14
<i>демон</i>	4

Примечания к таблице.

1. Вместе с метафорами мыслей и чувств учитываются и метафоры, характеризующие их способ выражения. Последние можно рассматривать как метафтонимию, например *глаза засверкали* (метафора сверкания + метонимия «глаза как выразитель чувства, как зеркало души»).

2. При подсчете метафор с сигнификативными дескрипторами «бес», «бесы», «бесноваться» не учитывались прямозначные употребления этих слов в эпиграфах и в отрывке из Евангелия внутри романа. Но даже если, учитывая аллегорический характер цитат из Пушкина и из Евангелия, на этом основании включить встречающиеся там 11 словоупотреблений из семантического поля «бесы» в число сигнификативных дескрипторов, их общее количество – 47 – все равно будет меньше, чем частотность других основных метафорических моделей.

Наиболее частотная из метафорических моделей внутреннего мира персонажей – «ЧУВСТВО / МЫСЛЬ – ЭТО СВЕТ». *Свет* мыслей и чувств может проявляться двояко. Чувства и мысли, выражаемые спокойно и размеренно, *светятся*. О Хромоножке говорится: ...*что-то мечтательное и искреннее светилось в ее тихом, почти радостном взгляде* [8, с. 112]. *Что-то победоносное и гордое засветилось в лице Варвары Петровны* [Там же, с. 136] – это тоже ровное, величавое чувство. Дважды так говорится о Ставрогине: ...*новая мысль светилась теперь в его взгляде* [Там же, с. 145]...; ...*в глазах его засветилась необыкновенная нежность* [Там же, с. 146] (здесь и далее в цитатах из «Бесов» метафоры внутреннего мира персонажей выделены нами. – Ю. Г., А. Н.).

Бурные чувства (и позитивные, и негативные) – *сверкают*: *Ласковое выражение его* (Петра Верховенского. – Ю. Г., А. Н.) *лица вдруг исчезло; что-то злобное засверкало в глазах* [Там же, с. 293]; *Из-под беспрерывной к вам ненависти, искренней и самой полной, каждое мгновение сверкает любовь и... безумие... самая искренняя и безмерная любовь и – безумие! Напротив, из-за любви, которую она ко мне чувствует, тоже искренно, каждое мгновение сверкает ненависть, – самая великая* [Там же, с. 296]!

Если глагольные метафоры передают только появление (*сверкать, засветиться*) или присутствие (*светиться*) неких чувств и мыслей, то некоторые именные метафоры несут в себе дополнительные коннотации иронии и даже сарказма. Так, *свет* в метафорическом смысле, традиционно ассоциируемый с добром, Петр Верховенский и Лебядкин – каждый по-своему – ищут в Ставрогине. Вяч. Иванов предложил видеть в Ставрогине Сатану-Люцифера, светоносца, в отличие от Сатаны-Аримана – Петра Верховенского [5]. Отметим также *светлые надежды* Виргинского и ироничное авторское словоупотребление – «*Светлая личность*» – в заголовке стихов о революционере-разрушителе; о созидательной части его программы в стихах нет ни слова, скорее всего, ее просто не было, как у Нечаева, прототипа Петра Верховенского, в «Катехизисе революционера» [11, с. 8-9], а разрушительная часть саркастически утрирована.

Но порой и именная метафора света передает сохранившееся в персонаже доброе начало. Например, Ставрогин признается Лизавете Николаевне: *Я не мог устоять против света, озарившего мое сердце, когда ты вчера вошла ко мне, сама, одна, первая. Я вдруг поверил* [8, с. 401]...

Следующая по частотности М-модель – «ЧУВСТВО – ЭТО ЖАР». В ней на первом месте по употребительности – языковой метафорический эпитет *горячий*: *горячая клубная жалоба* [Там же, с. 43], *горячие слова* [Там же, с. 200], *горячий взгляд* [Там же, с. 442], *горячая торопливость* [Там же, с. 510] и др. Метафорический эпитет здесь сочетается с метонимией: ‘слова, сказанные с горячим чувством, – это горячие слова’, ‘взгляд, полный горячего чувства, – горячий’ и т.п.

С М-моделью жара связана одна из немногих индивидуально-авторских метафор Достоевского. Внутренняя борьба Ставрогина после того, как Шатов ударил его по лицу, и его победа над чувством гнева уподобляются преодолению сильной физической боли от сжимания в руке раскаленного докрасна железа [Там же, с. 166].

Метафора жара так же амбивалентна, как и метафора света: горячим может быть как хорошее, так и плохое. Возможно, в ней кроется некий намек на то, что именно *горячность*, спешка, действия *сгоряча* мешали таким людям, как Виргинский или Степан Трофимович, задуматься над отсутствием созидательной программы у тех, кого они считали *светлыми личностями*.

На третьем по частотности месте – М-модель «ЧУВСТВО – ЭТО ОГОНЬ / ГОРЕНИЕ». С одной стороны, денотативные дескрипторы этой метафоры связаны с «демонической» стороной жизни – «ненависть», «гнев», «страсть», «стыд»... – *Я сгорела, сгорела со стыда за нашу публику*, – говорит жена губернатора после публичного провала известного пожилого писателя Кармазинова. Петр Верховенский реагирует на эту языковую метафору неожиданно: *Ну-с, я бы не сгорел, а его самого изжарил* [Там же, с. 381]. Он проговаривается: поджог в городе, не без тайного участия Верховенского и его организации, был устроен в тот же день, немного позже.

С другой стороны, сигнификативный дескриптор «огонь» может передавать и положительные коннотации: *Сам Виргинский был редкой чистоты сердца, и редко я встречал более честный душевный огонь* [Там же, с. 28]; *Мое бессмертие уже потому необходимо, что бог не захочет сделать неправды и погасить совсем огонь раз возгоревшейся к нему любви в моем сердце* [Там же, с. 505]. Иногда он передает смешанные коннотации: *Самое благородное и безупречное негодование загорелось в душе ее* [Там же, с. 58]...; о праведном гневе Шатова, вызванном Ставрогиным, говорится: *Шатов пламенно, с вызовом смотрел на него, точно съечь хотел его своим взглядом* [Там же, с. 201].

Неудивительно, что метафора огня передает противоречивые смыслы: представления человека об огне противоречивы сами по себе, огонь традиционно ассоциируется как с добром, источником жизни, так и со злом, разрушением и смертью [3].

В романе «Бесы» М-модели огня и света имеют общее следствие: как огню, так и свету свойственно угасание. По классификации А. Н. Баранова [2, с. 98-99], это **следствие, характеризующее функционирование модели** (противоположное метафорическое следствие, появление света и огня, у этих моделей различно: лучом *света* надежды *озаряется* лицо Лизаветы Николаевны, он *озаряет* сердце Ставрогина [8, с. 401-402], в то время как *огонь* *разжигают*: *разжигают мечту* [Там же, с. 152], *поджигают толпу* [Там же, с. 397], наконец, это слово метафорически употребляется без дополнения: – *Кому узнавать-то? – поджигал он. – Тут я да вы* [Там же, с. 471]...). О Ставрогине, старающемся перебороть в себе сложное и сильное чувство, говорится: *взор его как бы погасал* [Там же, с. 166]; здесь развитие идеи сверкавшего взора, который теперь гаснет. Другой пример метафоры угасания – видимо, угасания светящейся идеи, – слова Кириллова: *Время не предмет, а идея. Погаснет в уме* [Там же, с. 188]. Но гаснуть может и огонь, ср. уже цитированный пример: *погасить совсем огонь раз возгоревшейся к нему любви в моем сердце* [Там же, с. 505].

М-модель «РАЗРУШИТЕЛЬНАЯ ИДЕЯ – ЭТО БЕС / ДЕМОН», к которой отсылает название романа, уступает первым трем по частотности, но ее высокая значимость определяется ее употреблением в заглавии и присутствием бесов как аллегории в эпиграфах. В этой модели преобладают этимологические метафоры – утратившие свою мотивацию в синхроническом плане, мотивированные лишь этимологически [4, с. 238]. Действительно, вне контекста слова «беситься», «быть в бешенстве» не напоминали образованному современнику Достоевского о бесах. Но в романе эта стертая метафора оживает, т.к. воспринимается в одном ряду с остальной «бесовщиной», например: *...а Лиза стала при всяком удобном случае к Николаю Всеволодовичу придираться. Заметила она, что тот с Дашей иногда говорит, ну и стала беситься, тут уж и мне, матушка, житья не стало* [8, с. 55].

Несколько раз разрушительные психические процессы уподоблены бесам более развернуто: *Но, видно, тогда-то и овладевал Варварой Петровной бес самой заносчивой гордости, когда она чуть-чуть лишь могла заподозрить, что ее почему-либо считают униженной* [Там же, с. 129-130]; *...он давно уже был бы спасен от грустного и «внезапного демона иронии», который всю жизнь терзал его* [Там же, с. 151]. *Бесом, бесенком и демоном* именуется также человек, искушающий Ставрогина мыслью об убийстве его слабоумной жены, – Федька Каторжный [Там же, с. 230].

Широко распространено мнение (в частности, отраженное в положениях на защиту в диссертации Н. Ф. Истоминой [9]), будто в романе «Бесы» *нигилисты* и *бесы* – понятия чуть ли не тождественные. Действительно, разрушительными идеями (причем разнообразными, не сводящимися к идее переустройства общества на шигалевский манер) одержимы, прежде всего, Ставрогин и революционеры из «пятерки» Петра Верховенского, отчасти – Степан Трофимович. Но и чрезмерное административное рвение губернатора фон Лембке, и идея блистательного разоблачения группы заговорщиков, поработившая ум его жены, оказались не менее разрушительными для губернского города, в котором происходили события. Более того, губернатор в своем административном раже доходит до дикого гнева и затем до явных признаков сумасшествия [8, с. 337],

а именно это в народном языке того времени и называлось «в него бес вселился». Беда губернского города в том, что *бесами* в нем одержимы как оппозиция, так и власть.

Ни один из нигилистов *бесом* не именуется; вместо этого Достоевский употребляет библейские перифрастические наименования дьявола – *зверь* и *змей*. Ставрогин уподоблен зверю, который сначала *показал свои когти* [Там же, с. 37], а затем их *выпустил* [Там же, с. 38]; капитан Лебядкин называет его *премудрым змием* [Там же, с. 83]. В предсмертной речи Степана Трофимовича нигилисты уподобляются и менее романтическим, но тоже упомянутым в Библии животным: *Эти бесы, выходящие из больного и входящие в свиней, – это все язвы, все миазмы, вся нечистота, все бесы и все бесенята, накопившиеся в великом и милом нашем больном, в нашей России, за века, за века!* <...> *Но великая мысль и великая воля осенят ее свыше, как и того безумного бесноватого, и выйдут все эти бесы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности... и сами будут проситься войти в свиней. Да и вошли уже, может быть! Это мы, мы и те, и Петруша... и я, может быть, первый, во главе, и мы бросимся, безумные и взбесившиеся, со скалы в море и все потонем, и туда нам дорога, потому что нас только на это ведь и хватит* [Там же, с. 498-499]. Здесь бесам уподобляется именно содержание мыслей и чувств нигилистов, но не они сами.

Из анализа основных для романа М-моделей психологической сферы следует, что амбивалентность суждений о добре и зле, за которую Шатов выговаривает Ставрогину [Там же, с. 202], присутствует в романе и на уровне метафоры: *свет* оказывается атрибутом имморалиста Ставрогина, стихи о разрушителе устоев, не содержащие никакой созидательной программы, получают заглавие «*Светлая личность*», а Виргинский, полный *честного душевного огня* (не помешавшего ему присутствовать при убийстве Шатова), уповаает на *светлые надежды* о революционном преобразовании общества. И только четвертая по частотности, но не менее существенная по значимости – недаром вынесенная в заглавие! – метафора бесов, большей частью встречающаяся в стертых формах (*беситься, бешенство*), передает черты безусловного зла, присущие внутреннему миру ряда персонажей.

Неразличение добра и зла – по мнению Достоевского, бич времени, в которое он жил. В «Преступлении и наказании» оно упоминается как одно из действий моровой язвы, приснившейся Раскольникову на каторге: «Не знали, что считать злом, что добром» [7, с. 420]. Порой Достоевский и себя укорял за неразличение добра и зла. По воспоминаниям А. С. Суворина, Достоевский спрашивал его: что бы они предприняли, если бы им удалось заранее узнать о готовящемся политическом убийстве? «Пошли бы мы в Зимний дворец предупредить о взрыве или обратились бы к полиции, к городскому, чтоб он арестовал этих людей? Вы пошли бы? – Нет, не пошел бы. – И я бы не пошел. Почему? Ведь это ужас. Это преступление» [10, с. 453-454]. Метафорика романа «Бесы» отражает эту приметку времени.

Список источников

1. Азаренко Н. А. Роман Ф. М. Достоевского «Бесы» как метафора преисподней // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 6 (36): в 2-х ч. Ч. 1. С. 16-18.
2. Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014. 632 с.
3. Башляр Г. Психоанализ огня. М.: Прогресс, 1993. 174 с.
4. Головнёва Ю. В. Метафора и ее место в системе языка (на материале метафор внутреннего мира человека) // European Social Science Journal. 2013. Т. 1. № 12. С. 236-243.
5. Дорский А. Ю. «Греховный» Достоевский глазами Вяч. Ивановна [Электронный ресурс]. URL: http://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1480895496&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 08.12.2017).
6. Достоевский Ф. М. Записи литературно-критического и публицистического характера из записной тетради 1880-1881 гг. // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1984. Т. XXVII. С. 47-88.
7. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1973. Т. VI. Преступление и наказание. 424 с.
8. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1974. Т. X. Бесы. 515 с.
9. Истомина Н. Ф. Концепт «бесы» в одноименном романе Ф. М. Достоевского: дисс. ... к. филол. н. Липецк, 2002. 179 с.
10. Суворин А. С. Дневник Алексея Сергеевича Суворина / текст. расшифровка Н. А. Роскиной; подгот. текста Д. Рейфилда, О. Е. Макаровой. Изд.-е 2-е, испр. и доп. М. – Л.: Независимая газета; The Garnett Press, 2000. 667 с.
11. Трифонов Ю. Нечаев, Верховенский и другие... // Достоевский Ф. М. Бесы. Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1989. С. 5-12.
12. Goossens L. Metaphonymy: the Interaction of Metaphor and Metonymy in Expressions for Linguistic Action // Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast: Cognitive Linguistics Research. Series 20 / ed. by R. Dirven, R. Poering. Berlin: Mouton de Gruyter, 2002. P. 249-277.
13. Müller C. Metaphors Dead and Alive, Sleeping and Waking: A Dynamic View. Chicago: University of Chicago Press, 2008. 272 p.

METAPHORS OF MAN'S INNER WORLD IN THE NOVEL "DEMONS"

Golovneva Yuliya Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor

Novikova Al'bina Alekseevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor

Far Eastern Federal University, Vladivostok

golovneva.juv@dvfu.ru; novikova.aa@dvfu.ru

The article examines the metaphorical representation of the man's inner world in the novel "Demons" by F. M. Dostoyevsky. The continuous sample analysis of the psychological sphere metaphors in the novel reveals the following basic metaphorical models of this sphere: "FEELING / THOUGHT IS LIGHT", "FEELING IS ARDOUR", "FEELING IS FIRE / BURNING", "THE DESTRUCTIVE IDEA IS DEVIL / DEMON" (M-models are listed in the order of their frequency). The ambivalence of meanings, rendered by metaphors, points indirectly to characters' failure to distinguish good and evil, denounced by Dostoyevsky.

Key words and phrases: metaphor; man's inner world; Dostoyevsky; novel "Demons"; metaphorical models; descriptor theory of metaphor.